

УДК: 882
ББК: 83

Г.Л. Черюкина

КОГДА И ПОЧЕМУ МОЛЧИТ ГЕРОЙ-ИДЕОЛОГ ДОСТОЕВСКОГО?

Статья посвящена одной из актуальных и востребованных в современном достоевковедении частных проблем, лежащих в русле общей проблемы художественной антропологии в творчестве писателя. Автор статьи использует новые подходы и методологии в анализе и осмыслении художественного текста на уровне поэтики и проблематики, тем самым расширяя и углубляя понимание специфики содержания произведений Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: *герой-идеолог, двойник, трикстер, психологический уровень, типологический ряд, диалог, диа-/монологовая активность/пассивность, речевой контакт.*

Черюкина Гузель Леонидовна – канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы Южного федерального университета

Тел.: 8-918-519-03-55
E-mail: kirli@sfned.ru

© Черюкина Г.Л., 2012.

Образ героя-идеолога, созданный и глубоко проанализированный в творчестве Достоевского, и на сегодняшний день остается одним из самых притягательных для исследователей. Это обусловлено не только сложностью самого типа, но и необходимостью поиска новых подходов в его освещении в литературоведении.

Нужно отметить, что в современной науке, обращенной к антропологическим аспектам творчества Достоевского, вопрос о роли диалогов и монологов получает новое освещение и носит дискуссионный характер. Так, в весьма солидном и глубоком труде В.А. Подороги о Достоевском подвергаются тщательному анализу и переосмыслению многие положения работ М.М. Бахтина, большинство из которых для филолога является если не догмой, то очень авторитетным источником. Автор книги вносит существенные коррективы по ряду позиций, в том числе и по определению Бахтина диалогичности сознания героя Достоевского: «Самосознание героя у Достоевского сплошь диалогизировано: в каждом своем моменте оно повернуто вовне, напряженно обращается к себе, к другому, к третьему. Вне этой живой обращенности к себе самому и к другим нет и для себя самого. В этом смысле можно сказать, что человек у Достоевского есть субъект обращения. О нем нельзя говорить, – можно лишь обращаться к нему» [Бахтин, с. 338]. Рассматривая диалог как особую форму общения и отношений, В.А. Подорога приходит к выводу, с которым трудно не согласиться: «Встреча – не диалог, персонажи

Достоевского именно *встречаются*, они не имеют никакого продолжительного времени общения, какой-либо предыстории (и даже если они ее имеют, она не сказывается на их поведении в данный момент). Встреча не переход к равноправному диалогу, а случайное пересечение героями путей друг друга» [Подорога, с. 516 – 517].

Небезынтересен сам механизм художественного воплощения некоторых поведенческих характеристик, объединяющих типологический ряд идеологов Достоевского. К таким частным характеристикам, выявляющим и определяющим конкретные закономерности в поведении героев-идеологов, можно отнести и феномен их речевой активности / пассивности.

Пожалуй, самый очевидный и общеизвестный факт поэтики Достоевского относительно героев-идеологов – это наличие их двойников. Будучи воплощенными образами и включенными в систему действующих персонажей, двойники находятся в постоянном буквальном контакте с самими идеологами. Непосредственное общение героев-идеологов со своими двойниками дает читателю исчерпывающую информацию об истинных причинах их поступков. Более того, сами идеологи узнают из этих разговоров много нового о себе. Получая информацию от своего двойника, герой Достоевского, изначально наделенный повышенной склонностью к интеллектуальному анализу, путем сложной рефлексии приходит к логическому умозаключению, которое, по сути, является антитезисом по отношению к первоначальной установке (тезису) на поступок.

Создается диалогическая ситуация на уровне сюжетно-персонажном, при этом она монологична на психологическом уровне. Это вполне закономерно, так как в настоящий разговор идеологи вступают не с двойниками, а со своими оппонентами. Но и в этих беседах превалирует монологическая форма с диалоговой установкой. Герой подробно освещает свои идеи, приводя убедительные доводы в пользу своих идей, в ожидании признания своей правоты в силу неопровержимости приводимых им аргументов и фактов. Встречные вопросы и реплики собеседника как правило оказываются лишь своеобразными указателями дальнейшего хода логического изложения идей. Предельно насыщенные по содержанию, разговоры идеологов с другими персонажами фактически не дают диалогического результата, так как ни сами герои-идеологи, ни их оппоненты не меняют собственных убеждений, а следовательно, само содержание этих бесед становится важным не столько для действующих персонажей, сколько для читателя, которому и адресуется необходимая информация о герое. Из этих разговоров он узнает о причинах, побудивших героя к тому или иному поступку.

Однако это лишь первый уровень выявления поведенческой мотивации. Истинные причины, ставшие толчком для мыслительной, а затем и физической деятельности героя, глубоко скрыты в «подполье» сознания самого героя-идеолога. Их-то и озвучивают двойники при встречах со своими сверхличностями. Показательны встречи Николая Ставро-

гина с Шатовым, Кирилловым, Петрушей Верховенским, капитаном Лебядкиным и даже Федькой Каторжным. В «Братьях Карамазовых» эта модель тоже работает: Иван почти все время говорит сам во время встречи с Алешей, но в основном молчит и позволяет себе лишь краткие реплики, возражения и вопросы во время встреч со Смердяковым и чертом. Если в этом свете рассмотреть монолог великого инквизитора, обращенный к Христу, но не требующий ответа, так как сам монолог является христианским антитезисом, то высвечиваются дополнительные грани образа Алеши, молча выслушивающего исповедь-протест Ивана. Еще раз подтверждается его хриstopодобие. Довольно любопытные результаты наблюдений над этой ситуацией предлагает в своей книге известный японский исследователь творчества Достоевского Т. Киносита: «По-видимому, Инквизитор готов поставить себя в диалогическое отношение с узником. Но ответ последнего оказался неожиданным для него» [Киносита, с. 88]. Т. Киносита расценивает эту сцену как внутренний диалог Ивана, при этом подчеркивая особую роль Алеши-слушателя, который так же, как и Христос в поэме, целует оратора. Так ждет ли Иван возражений Алеши или нет? И является ли поцелуй Алеши ответом Ивану? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо выяснить природу вербальных отношений героев-идеологов с их двойниками и оппонентами.

Показательны встречи Раскольникова с Сонечкой, где сам Раскольников говорит очень много в надежде получить оправдание своему преступлению. Знаменательно, что тайным свидетелем этих признаний становится Свидригайлов, что также симптоматично в связи с его особой художественной функцией в романе. Молчание Свидригайлова здесь вполне оправданно, впрочем, как и незримое присутствие. Ведь он не просто двойник Раскольникова – он его трикстер, каковым является Петруша Верховенский для Николая Ставрогина и черт для Ивана Карамазова.

Таким образом, рассматривая обусловленность диа-/монологовой активности / пассивности героев-идеологов Достоевского, можно выделить две основные группы речевых контактов (пожалуй, это самое адекватное обозначение бесед подобного типа, так как ни диалогами, ни монологами, как выясняется, эти беседы не являются).

Рассмотрим подробнее конкретные ситуации таких контактов в произведениях. Думается, вполне логично начать рассмотрение с «Записок из подполья», где Достоевскому удалось создать и воплотить уникальный тип героя, а точнее, если воспользоваться определением Бахтина, антигероя, который в дальнейшем будет развиваться и модифицироваться в самых различных персонажах в последующих произведениях. И жанр «Записок», и форма изложения, а также авторское деление записок на «вымышленные» и «настоящие» дают обильную пищу для размышления о природе образа самого Подпольного человека. Если предположить, что сюжетная функция главного героя вторична, а на первый план выдвигаются его психологические функции, то будет вполне

оправданным рассмотрение этого персонажа как воплощение двойника. Но чье? Чье подполье исследует Достоевский и выпускает наружу его обитателя?

Первая часть «Записок» представляет собой по форме монолог, обращенный к читателю. Именно с ним вступает в непосредственный контакт их автор. Он не предлагает никаких идей, он просто рассказывает о себе. Но он не повествует о своей жизни: событию нет места в его странной исповеди, наполненной желчью и мрачным пафосом. Однако уже в первой части «Записок» мы обнаруживаем невербальные контакты подпольного человека с внешним миром. Так, его случайные встречи с офицером, который попросту не замечает его и, даже столкнувшись нос к носу, не догадывается о его существовании, имеют определенный смысл. Этот смысл раскрывается во второй части, в «настоящих записках».

Случайная встреча с однокашниками и навязанное свое общество мало меняет ситуацию. Собравшаяся компания игнорирует присутствие Подпольного человека и лишь изредка реагирует на него одномоментным раздражением. А вот встреча с Лизой радикально меняет ситуацию. Вот он – речевой контакт, превращающийся в своеобразную драму в двух действиях. Однако цель, которую преследует оратор, не достигается. Лиза оказывается выше и чище своего морального мучителя. Она не падшая женщина, как пытается внушить ей собеседник, а личность, способная противостоять тлетворной и разрушительной силе подполья.

Эта ситуация модулируется Достоевским в «Преступлении и наказании» в разговорах Раскольникова с Сонечкой Мармеладовой. Вспомним, ведь уже во время первого посещения Сони на ее съемной квартире преступник пытается внушить ей мысль о необратимой загубленности ее собственной жизни и тем самым уравнивать ее с собой. Но разница между Раскольниковым и Подпольным человеком очевидна: Раскольников не из «мертворожденных», как определяет себя герой «Записок». Он – идеолог, и у него есть свой двойник, свое «подполье». Этим двойником является Свидригайлов, который и становится воплощенным кошмаром Раскольникова, способным отравить своим присутствием существование любого человека. Встречи-разговоры этих персонажей проходят в совершенно ином ключе. Здесь говорит не Раскольников. Говорить – прерогатива Свидригайлова. Раскольникову же остается лишь слушать, раздражаться и изредка задавать вопросы, уточнять и бросать реплики. И когда Свидригайлов заявляет, что они «одного поля ягоды», Раскольников не находит необходимых аргументов, чтобы оспорить утверждение Свидригайлова. Однако молчание Раскольникова не следует воспринимать как признание превосходства его двойника. Напротив, эти встречи-откровения необходимы как провокация внутреннего сопротивления героя через отторжение и преодоления в себе своего подполья.

При том, что встречи Раскольникова с Сонечкой и Свидригайловым выстраиваются автором относительно речевой активности / пассивности героя в противоположные модели, становится очевидным, что эти разговоры имеют свой результат. Фактически, в диалог вступает не сам идеолог, а противоборствующие силы. В итоге мы получаем речевые контакты героя независимо от его речевой активности / пассивности на уровне системы персонажей и сюжетного действия, а на уровне психологического анализа – бесконтактные диалоги метафизических явлений. Объектом же воздействия становится сознание героя-идеолога.

Схожие явления мы наблюдаем в «Братьях Карамазовых» в отношениях Ивана с его двойниками, в том числе с чертом (его метафизическим двойником), и с Алешей. А вот роман «Бесы» требует отдельного рассмотрения.

Дело в том, что система персонажей в «Бесах» построена таким образом, что ее можно характеризовать как «перевернутую». В.А. Подорога в своем исследовании определяет взаимоотношения Николая Ставрогина с двойниками следующим образом: «Ставрогин – чистая энергия насилия, почти без примесей какого-либо чувства раскаяния, страдания или боли, эмоциональная тупость и явная неспособность к признанию-исповеди. Двойники крайне активны, они конструируют единый, правда так и остающийся фрагментарным, незавершенным, образ центрального героя – Ставрогина, и каждый из них приписывает ему одну из своих фикс-идей» [Подорога, с. 506]. Такое объяснение внешней отстраненности Ставрогина вполне приемлемо, однако причины вербальной пассивности главного героя необходимо искать в генезисе самого типа. Если Раскольников и Иван Карамазов как представители типа очень близки по своей природе, то Ставрогин явно расширяет собой типологический ряд героев-идеологов Достоевского и тяготеет в своей сущности к герою «Записок из подполья», т.е. к «мертворожденным». Со всей очевидностью являясь героем-идеологом, Ставрогин не способен выносить ни одной идеи в собственном сознании и забрасывает семена противоположных идей в сознания своих двойников, в первую очередь Шатова и Кириллова. За счет этого усложняется связь идеолога с двойниками, которые берут на себя функции и двойников, и идеологов одновременно. Петр Верховенский же идеологом не является. Это трикстер в чистом виде, полностью замещающий Ставрогина в сюжетном пространстве произведения. В силу специфики художественной функции образа Ставрогина, этот герой оказывается самым молчаливым идеологом во всем творчестве Достоевского. Но такая характеристика не будет полной без учета главы «У Тихона», не вошедшей в основной текст романа. Ведь именно там состоялась-таки исповедь Ставрогина. Речевая активность героя аккумулируется до предела, и читатель из этого фрагмента получает исчерпывающую информацию об этом персонаже и встраивает недостающие звенья в его психологический портрет.

Обозначенная проблема, как уже указывалось, носит частный характер и представляет собой довольно узкий аспект в освещении широко-

го антропологического плана произведений Ф.М. Достоевского. При этом видится невозможным постижение особенностей художественного творчества писателя, связанных в первую очередь с концепцией человека, без выявления составляющих, которые формируют адекватное представление о творчестве Достоевского как гениального художника-психолога. Внимательное и тщательное наблюдение за теми или иными явлениями частного порядка приводят к пониманию закономерностей этих явлений и их очевидной значимости в связи с авторским замыслом.

Литература

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1972 – 1990.

Киносита Т. Антропология и поэтика творчества Ф.М. Достоевского. СПб., 2005.

Подорога В.А. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы: в 2 т. Т. 1. М., 2006.